

УДК 81

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/46>

О ТИПАХ ДВУСОСТАВНОЙ И ОДНОСОСТАВНОЙ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

©Эшанкулова Ш. А., ORCID: 0000-0003-1689-9498, ResearcherID: K-8278-2018,
SPIN-код: 2077-8666, канд. филол. наук, Кыргызский национальный университет им. Жусуна
Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, eshahrizada@mail.ru

ON TYPES OF A TWO AND SINGLE-COMPOUND PROPOSITION MODEL

©Eshankulova Sh., ORCID: 0000-0003-1689-9498, ResearcherID: K-8278-2018,
SPIN-code: 2077-8666, Ph.D., Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyzstan, eshahrizada@mail.ru

Аннотация. В статье развивается идея о наличии в тюркских языках дефектных парадигм лично-предикативного и лично-посессивного спряжения. Категория личности / безличности является неотъемлемой частью предикативности. Предикативность — это основа любого сообщения. Она организует и координирует речь и ее составляющие, являясь конструктивно-смысловым центром высказывания. Предикативность — это каркас предложения, состоящий из главных членов предложения или одного из них.

Abstract. The article develops the idea of the presence in the Turkic languages of defective paradigms of personal predicative and personally-possessive conjugation. The category of personality / impersonality is an integral part of predicativity. Predicativity is the basis of any communication. It organizes and coordinates the speech and its components, being the constructive and semantic center of the utterance. Predicative is the framework of a proposal consisting of the main members of the proposal or one of them.

Ключевые слова: личность, безличность, предикативность, спряжение, модальность, односоставность, двусоставность, ядро.

Keywords: personality, impersonality, predicativity, conjugation, modality, single-unit, two-part, core.

В русском и кыргызском языках предложения подразделяются на две большие группы — двусоставные и односоставные. Двусоставным предложениям противопоставляются односоставные синтаксические образования, которые имеют один грамматический состав — состав подлежащего или состав сказуемого. Предикативность как ключевая синтаксическая категория выражается в одном главном члене, являющемся единственным организующим центром сообщения и содержащем утверждение или отрицание о предмете, явлении или действии в аспекте выражения отношения говорящего к действительности и его пространственно-временных ориентиров. Отсутствие второго главного члена является особенностью языка, устоявшимся правилом и мотивировано законами его развития, не создает неполноты речевого произведения и не требует восстановления путем ввода недостающего главного члена.

Материал и методы исследования

Категория личности/безличности во взаимодействии с другими выполняет важную коммуникативную функцию. Находясь в центре любого высказывания, организуя его структуру, она связывает главные члены (ядро) предложения в единое целое и соотносит сообщение с темпоральностью. Темпоральность неотделима от личности/безличности, от реальности и ирреальности сообщаемого, т. е. от категории модальности.

Категория личности/безличности связана также с категориями спряжения, наклонения, времени и числа и вместе с ними образуют категорию предикативности [1, с. 542].

Предикативность является ключевой синтаксической категорией, совмещающей в себе функции целого ряда других категорий и обладающей собственной синтаксической моделью или схемой. Компонентами синтаксической модели как отвлеченного образца сообщения выступают главные члены предложения, которые конституируют структурные типы речевых произведений. Следовательно, идея предикативности базируется прежде всего на главных членах предложения. Типология предложений осуществляется с учетом особенностей их ядерных компонентов.

Ядро предложения организуется главными членами — подлежащим и сказуемым или одним из них. Компоненты ядра предложения координированы между собой по форме и значению и нередко уподобляются друг другу, образуя конструктивно-семантическое и логико-когнитивное целое. Подлежащее — это главный член предложения, выраженный номинативом имени, сказуемое — это главный член, выраженный личными формами глагола, существительного, прилагательного и других спрягаемых частей речи. Сочетание подлежащего и сказуемого или отдельное употребление каждого из них составляет предикативную основу предложения.

Предикативность является базой классификации предложения, потому что она составляет основу любого сообщения. Предикативность чаще всего организуется двумя главными членами, иногда — только одним из них. На этом основании предложения делятся на два класса – двусоставные и односоставные. Предложения с двумя главными членами принято называть двусоставными, а с одним главным членом — односоставными.

Двусоставные предложения имеют различные модели или схемы выражения в языке. В кыргызском языке можно различать следующие их типы:

1. A1 + A1 (атооч сөз түркүмү + атооч сөз түркүмү атооч жөндөмө): Мен жашмын — Я молод. Ал жоош — Он тихий. Атаң — инженер — Отец (твой) — инженер. Эки кошуу эки — төрт — Два плюс два – четыре ж. б.

2. A1 + Эө (Атооч + этиш) өткөн чакта: Сен уктадыңбы? — Ты спал? Сөз бүттү — Речь кончилась Ал ооруп калган — Он заболел Биз жактырбоочубуз — Мы не любили.

3. A1 + Аө: Ал жаш эле — Он был молод. Биз акмак экенбиз. — Мы были дураками. Аскар студент беле? — Аскар был студентом? Балдар каерде эле? — Где были дети? Үй меники болчу. — Дом принадлежал мне.

4. A1 + Эу: Балдар ыйлап жатат. — Дети плачут. Мен чыйрыгып турам. — Меня знобит. Сен келатасыңбы? — Ты идешь? (в мою сторону).

5. A1 + Ау: Эл — биз (Ж. Жекшеевдин автордук берүүсү) же Эл — Народ — мы (бизбиз). Сен үйдөсүңбү? — Ты дома? Алар Баткендиктер — Они из Баткена. Жаныш келден болот — Жаныш иссыкульский. Үй меники — Дом мой. Агаң уурулук кылып жүрө — Твой старший брат ворует.

6. A1 + Эк: Биз да чоңоёбуз. — Мы тоже вырастим. Силер өтө бергиле. — Вы проходите». Самат келип калар. — Самат, возможно придет. Алар бүтүрүшөт. — Они завершат. Өзү кайта келет. — Он возвратится.

7. А1 + Эк: Биз инженер болобуз. — Мы будем инженерами. Агаң уурулук кылып кетет го. — Твой старший брат займется воровством. Үй меники болот. — Дом будет моим. Ал демилгечи боло алат. — Он сможет быть инициатором.

8. КА + А1 (кыймыл атооч + атооч сөз түркүмү): Жениш / женип чыгуу – милдетибиз. — Победа – наша задача. Билим алуу — максатыңар. – Получение образования — ваша цель. Окуу, окуу жана окуу — көөнөрбөс девиз. — Учиться, учиться и учиться — нестареющий девиз. Чуркоо — бул ден соолук. — Бег — это здоровье и т. д.

Это только наиболее типичные модели предикативности в кыргызском языке. Есть и другие типы. Каждый тип может варьироваться, иметь свою парадигму и подпарадигмы (малые парадигмы). Главное здесь в том, что двусоставные предложения характеризуются наличием обоих главных членов.

В кыргызском и других тюркских языках сказуемое играет исключительную роль в предложении, поскольку почти все знаменательные части речи спрягаются. Спрягаясь, они могут выполнять функцию единственного главного члена в определено-личных предложениях. Состав определено-личных предложений многообразен, что является спецификой кыргызского и других тюркских языков.

В кыргызском языке слова редко употребляются в безличной форме, т. е. без личных аффиксов. Поэтому неслучайно К. З. Зулпукаров, рецензируя монографию М. Дж. Тагаева «Полипарадигматическое описание морфемики и словообразования (на материале русского и кыргызского языков)», писал, что кыргызский язык в отличие от русского, «выступает как язык более личный и личностный», допускающий различные комбинации лично-посессивных и лично-предикативных форм спряжения в одном предложении [2, с. 78].

Это мнение ученого будет развито нами в дальнейшем ходе исследования. В данном случае эту идею продемонстрируем на примере одного односоставного предложения, имеющего определено-личное строение: Сактасаң — сактаймын, сактабасаң — отко кактаймын. — (букв.) Будешь беречься — сберегу, не будешь беречься — на огне поджарю, где условные придаточные с аффиксом -са имеют на конце личный аффикс 2 л. ед. ч., а главные — аффикс 1 л. ед. ч. — мын. Одно сложное предложение состоит из четырех определено-личных предложений, двух придаточных условных и двух главных с четырьмя личными аффиксами. Семантика пословицы сравнима со значением русского выражения Береженного Бог бережет.

Следует отметить, что лично-предикативные аффиксы комбинируются и с лично-посессивными. В следующей кыргызской пословице мы встречаем два лично-посессивных аффикса 1 л. ед. ч. и один лично-предикативный аффикс: Бөлөм, бөлөм үчүн өлөм. — Мой (моя) бөлө, за (свою) бөлө умру. Пословица имеет национально-культурную семантику. Слово бөлө обозначает двоюродных братьев или сестер, рожденных от двух сестер. Бөлө — это дети сестер. В отдельных семьях раньше допускался брак между двумя бөлө. Пословица обладает специфичной структурой: сначала называется номинант двоюродного брата или сестры с притяжательным аффиксом -м «мой-моя», потом этот же номинант повторяется в функции обстоятельства цели, затем идет определено-личное сказуемое с аффиксом -м «я», выраженное глаголом изъявительного наклонения настоящего-будущего времени 1 л. ед. ч. Иначе говоря, мы имеем дело с односоставным назывным предложением, затем — с односоставным определено-личным предложением. Предложения такого типа составляют специфику кыргызского ментального синтаксиса, поскольку предложений, построенных по данной модели в кыргызском языке очень много. Ср., например, Ат, аттан кийин жат. — Лошадь, после лошади ложись (т. е. сначала посмотри, покорми лошадь, только после этого ложись спать). Подобные предложения, имея лакуны в сознании носителей других языков, не

воспринимаются ими и могут показаться им нелогичными. Они не чувствуют лаконизм и образность подобных фраз, основанных на рифме начального и конечного слов. Это предложение тоже состоит из двух односоставных — назывного (Ат) и определенно-личного (аттан кийин жат).

Приведенные примеры показывают, что предложение в кыргызском языке может иметь глубоко специфичное строение, содержать национально-культурные обозначения и отличаться обилием и многообразием личных форм слов.

Спряжение — это парадигма сказуемости. Именно личные формы имени, глагола и других спрягаемых частей речи составляют базу сказуемого. Сказуемое в кыргызском предложении — основной носитель сообщения.

Двусоставные предложения обязательно имеют в своей структуре этот предикативный член, который вместе с подлежащим и без него выражает предикативность.

Двусоставные предложения противопоставляются односоставным сказуемым. Односоставные предложения имеют только один состав — подлежащего или сказуемого и внутри себя различают назывные, определенно-личные, обобщенно-личные, неопределенно-личные и безличные предложения, вокативные — предложения обращения, инфинитивные, составляющие основу выделения категории личности/безличности в языке.

Особенности спряжения и предикатообразования в кыргызском языке

В лингвистической литературе существуют различные подходы к определению сущности предикативной категории лица-числа в тюркских языках. Например, В. В. Решетов соответствующие факты узбекского языка излагает под заголовками «Спряжение имен существительных с аффиксами сказуемости (категория предикативности)» в разделе об имени существительном и «Спряжение глагола. Личные аффиксы глаголов» в разделе о глаголе [3], не обращая внимания на факты спряжения и других частей речи. В грамматике киргизского языка мы обнаруживаем сходную картину: О. В. Захарова описывает лично-предикативное словоизменение субстантивных слов под заголовком «Категория сказуемости» и отмечает, что «в роли сказуемости могут выступать и другие именные части речи, если они проходят стадию субстантивации и представляют собой слова, в которых так или иначе проявляется значение лица: биринчисин «ты первый» [4, с. 155–156]. С. Кудайбергенов, автор параграфа «Категория спряжения», отмечает: «В современном киргизском языке, как и в других тюркских, спряжение распространяется не только на глагол, но и на именные части речи. Способы выражения сказуемости для именных и глагольных частей речи частично совпадают, но различия есть и достаточно существенные, чтобы рассматривать их отдельно» [4, с. 253]. С. Кудайбергенов пишет и о спряжении модальных слов бар «есть, имеется», жок «нет, отсутствует», эмес «не, нет, отсутствует».

З. К. Дербишева тоже отмечает: «в сфере личной парадигматики вовлекаются не только глаголы, но и другие части речи» [5, с. 197].

По мнению Н. А. Баскакова, «система спряжения в тюркских языках представляет собой систему словоизменения не только глагола, но и всех других частей речи в соответствующих формах словообразования» [6, с. 263]. Система спряжения является грамматической категорией, имеющей морфологические и синтаксические свойства. Спряжение характеризует морфологические способы вхождения всех спрягаемых частей речи в текст и представляет изменение самых различных категорий слов по формам лица и числа.

В тюркских языках спрягаются:

имена существительные, которые обозначают реалии, связанные с контекстом «Человек», с жизнью, деятельностью, национальностью, возрастом, профессией, моралью (достоинствами и недостатками), качествами людей:

ашпозмун — я повар	солгоймун — левша
ашпозсуң — ты повар	солгойсуң — ты левша
ашпозсуз — Вы повар	солгойсуз — Вы левша
ашпоз — он/она повар	солгой — он/она левша
ашпозбуз — мы повара	солгойбуз — мы левши
ашпозсуздар — Вы повара	солгойсуздар — Вы левши
ашпозсуңар — вы повара	солгойсуңар — вы левши
ашпоз (дор) — они повара	солгой (лор) — они левши

Эти два существительных имеют полные формы личного словоизменения. В языке есть такие существительные, которые не обладают этим качеством. Например, абстрактные существительные или другие наименования, не связанные с человеком и его жизнедеятельностью. Они чаще всего имеют дефектную парадигму. Существительное аалам «вселенная», к примеру, имеет форму 3 л. ед. ч. и свободно не спрягается: Бизди курчап турган чексиз дүйнө — аалам. — Бесконечный мир, окружающий нас, — это вселенная. В этом предложении мы обнаруживаем слово аалам в нулевой форме 3 л. ед. ч., которое не имеет других форм спряжения (ааламын, ааламың ...) и числа (ааламдар, ааламдарбыз...). Точно также свободно не спрягаются субстантивы типа жылдыз — звезда; терек — тополь; чөл — пустыня; чындык — правда, истина; шаркыратма — водопад и др.

Правда, антропонимическая трансформация первого слова, являющаяся именем человека, получает возможность спрягаться по формам лица только ед. ч.: Жылдызын — Я Жылдыз; Жылдызың — Ты Жылдыз; Жылдызың — Вы Жылдыз; Жылдыз — Он/Она Жылдыз.

Второй столбик спряжения этого слова под знаком «мн. ч.» представлен нулевой подпарадигмой. Иначе говоря, антропоним в тюркских языках спрягается не по полной парадигме, имеет парадигму ед. ч. В переносном значении предметные слова получают формы спряжения. Ср. из фольклора: Кызырып бышкан алмасың. — Ты спелое красное яблоко (букв.), где алмасың — ты яблоко в форме 2 л. ед. ч.

Отметим еще один момент в субстантивном спряжении. Как показал К. З. Зулпукаров, категория падежа проявляет асимметрию в отношении к категории склонения. Среди падежных форм кыргызских падежей он выделяет спрягаемые, которые противопоставляются неспрягаемым падежным формам. Известно, что этот языковед различает в кыргызском языке 13 падежей, которые он делит на *спрягаемые* и *неспрягаемые*:

Неспрягаемыми называются им., вин., род I., дат. падежи.

2. К спрягаемым падежам отнесены исх., мест. I и II, сравн., уравни. род. II и III, отриц., облад. падежи [7, с. 201].

Для сравнения приведем спряжение двух словоформ: в мест. п. Иште — на работе и в исх. п. көлдөн — иссыккульский, уроженец Иссык-Куля. Последнее образовано под действием закона компрессии – сокращения объема языкового знака: Ыссык-Көл > көл > көлдүк. Ср.:

1) иштемин — я на работе	көлдөнмүн — я иссык-кульский
2) иштесиң — ты на работе	көлдөнсүң — ты иссык-кульский
иштесиз — Вы на работе	көлдөнсүз — Вы иссык-кульский

3) иште — он/она на работе	көлдөн — он/она иссык-кульский
4) иштебиз — мы на работе	көлдөнбүз — мы иссык-кульские
5) иштесинер — вы на работе	көлдөнсүңөр — вы иссык-кульские
иштесиздер — Вы на работе	көлдөнсүздөр — Вы иссык-кульские
6) иште — они на работе	көлдөн — они иссык-кульские

Итак, формы 3 л. ед. и мн. ч. омонимичны как между собой, так и по отношению к начальной неизменяемой форме, т. е. 3 л. совмещает в себе и номинативное значение, и значение ед. и мн. ч., соотносясь с местоимениями ал — она и алар — они: көлдөн — алар көлдөн, ал иште — алар иште.

Приведенные личные парадигмы содержат значения настоящего времени: субъекты обладают данным качеством в момент речи (иштемин — я на работе) или вообще, начиная с момента речи до конца жизни, т. е. по происхождению и региональной принадлежности (көлдөнмүн — я иссыккульский).

Словоформа иште может спрягаться по формам прошедшего и будущего времени — Но такое спряжение аналитическое:

- иште элем — я был на работе;
- иште эле — он/она был (а) на работе;
- иште элебиз — мы были на работе;
- иште элесинер — вы были на работе;
- иште элесиздер — Вы были на работе;
- иште эле — они были на работе.
- иште болом — я буду на работе;
- иште болосуң — ты будешь на работе;
- иште болосуз — Вы будете на работе;
- иште болот — он (а) будет на работе;
- иште болобуз — мы будем на работе;
- иште болосуңар — вы будете на работе;
- иште болосуздар — Вы будете на работе;
- иште болот/болушат — они будут на работе.

В отличие от форм настоящего и прошедшего времени в парадигме будущего времени число оформлено. Словоформа болот употребляется в значении ед. ч. и мн. ч., а в случае необходимости особого выделения числа употребляется словоформа болушат.

Что касается слова көлдөн, то оно по своей сути свободно не спрягается по формам прошедшего и будущего времени. Его семантика накладывает на его парадигмообразование некоторые ограничения. Например, көлдөн болом не соотносит обладаемый признак с будущим временем, а употребляется в значении настоящего времени, поскольку региональная принадлежность и происхождение не меняются. А словоформы в сочетании с постпозитивным служебным словом эле или беле со значением прошедшего времени имеют ограниченную сферу применения и строго связаны с ситуацией и намерением говорящего: Сен көлдөндөн элеңо? — Ты ведь был иссык-кульский? Сен көлдөн белең? — Разве ты иссык-кульский? и т. д., где значение прошедшего времени проявляется очень слабо.

Теперь для иллюстрации приведем лично-предикативные парадигмы других частей речи.

Говоря о спряжении местоимений, необходимо констатировать сложность, противоречивость и неизученность этого вопроса в грамматической семантике. Назовем только отдельные типичные формы местоименного лично-предикативного словоизменения.

Все личные местоимения не спрягаются. Например, по логике слово *мен* не имеет всех 8 форм категории лица, оно имеет только форму 1 л. ед. ч. в виде *менмин* — это я (букв. «я+я»), слово *сен* — форму 2 л. ед. ч. в виде *сенсиң* — это ты, т. е. все личные местоимения вместе образуют одну лично-предикативную парадигму из 8 членов:

<i>менмин</i> — это я	<i>бизбиз</i> — это мы
<i>сенсиң</i> — это ты	<i>силерсиңер</i> — это вы
<i>сизсиз</i> — это Вы	<i>сиздерсиздер</i> — это Вы
<i>ал</i> — это он (а)	<i>алар</i> — это они

Обычно члены этой парадигмы употребляются в случае ответа на вопросы «Кто это?», «Кто виноват?», «Кто помог?» и т. д.

Спрягаются и другие местоимения. Вопросительное местоимение *ким?* кто? имеет полную восьмичленную парадигму, а *эмне?* — что? — форму только 3 л. ед. и мн. ч., в редких случаях — 2 л. ед. ч.: *Сиз эмнесиз?* — Какой вы человек? *Сен эмнесиң?* — Какой ты человек? — когда слово *эмне* — что соотносится с личностью, а не с неодушевленным предметом.

Возвратно-личное местоимение тоже изменяется по лично-предикативной парадигме. Сначала посмотрим, как спрягается словоформа *өзүм* — я сам:

өзүммүн — я сам, ср. *Мен өзүм менен өзүм* — я сам с собой, не имею дело с другими, сам за себя отвечаю, самостоятелен;

өзүмсүң — ты мой, свой человек, ты мое второе Я;

өзүмсүз — то же самое в вежливой форме;

өзүм — он (а) как свой (я), я ему (ей) доверяю;

этот член парадигмы представлен нулем, язык не допускает формы *өзүмбүз* (1 л. мн. ч.);

өзүмсүңөр — вы, мы, я вам доверяю, считаю вас своими;

өзүмсүздөр — то же самое в вежливой форме;

восьмой член тоже не представлен в системе личного словоизменения данной словоформы.

Эту парадигму попробуем сравнить с парадигмой лично-посессивной словоформы *өзүң* — ты сам:

өзүңмүн — я принадлежу тебе, я как твое второе я, ты можешь вполне доверять мне;

өзүңсүң — ты сам; *ууру* — *өзүңсүң* — вор — ты сам;

форма *өзүңсүз* (сочетание признака обычного 2 л. с вежливым признаком 2 л. недопустимо) представлена нулем;

өзүң — он (а) сам (а) принадлежит тебе, как твое второе Я, ты можешь ему (ей) доверять;

өзүңбүз — мы принадлежим тебе, мы твои соперники, мы готовы всегда поддерживать тебя;

отсутствует (недопустимо *өзүңсүңөр*);

отсутствует (недопустимо *өзүңсүздөр*);

өзүң — они принадлежат тебе, они твои сторонники, им можно доверять.

4-й и 5-й члены двух парадигм допускают замену формами на *-кү*: *өзүм* — *өзүмкү*, *өзүң* — *өзүңкү*, усиливая значение принадлежности и подчеркивая уверенность в согласии, единогласии и взаимоподдержке.

Приведенные два примера свидетельствуют о том, что прономинальное лично-предикативное словоизменение тесно связано с лично-посессивными, имеет много вариантов и вариаций в парадигмообразовании и представляет собой единство нормальных и

анормальных системных и асистемных, привычных и не совсем общепринятых явлений грамматики.

Ясно, что прономинальная структура сложна с точки зрения морфологии, синтаксиса, семантики и логики, поэтому подробное освещение системно–асистемного устройства местоимений считаем задачей более общего и специального исследования.

Хотим обратить внимание на лично-предикативное словоизменение словоформ мендей и сендей, которые определяются в грамматике неоднозначно. Одни языковеды относят их к личным местоимениям, другие — к имени прилагательному, третьи — к сравнительному падежу. Эти слова также изменяются по формам лица–числа:

Ø	1) сен деймин — я как ты
мендейсиң — ты как я	2) Ø
мендейсиз — Вы как я	3) Ø
мендей — он(а) как я	4) сендей — он(а) как ты
Ø	5) сендейбиз — мы как ты
мендейсиңер — вы как я	6) Ø
мендейсиздер	7) Ø
мендей — они как я	8) сендей — они как ты

Эти примеры подтверждение сосуществования симметрии и асимметрии, о единстве грамматики и логики, о полной и неполной парадигмах в языке.

Лично-предикативное словоизменение легко вбирает в себя и некоторые разряды числительных. И в сфере числительных мы обнаруживаем наличие продуктивных и редко встречающихся, системных и асистемных форм.

Рассмотрим словоизменение производных числительных бирөө — один, одинокий, кто-то и экөө — два, двое, пара:

бирөөмүн — я один, я чужой	Ø
бирөөсүң — ты один, ты чужой	Ø
бирөөсүз — Вы один, Вы чужой	Ø
бирөө	он (а) один (на), чужой (ая)
Ø	экөөбүзбүз — мы вдвоем, нас двое
Ø	экөөңөрсүңөр — вы вдвоем, вас двое
Ø	экөөңүздөр — Вы вдвоем
Ø	экөө — они вдвоем

Логика языка – исходная основа лично-предикативного словоизменения. Числительное бирөө меняется по формам ед. ч., Ø числительное экөө — по парадигме мн.ч.; ср. предложения: Мен бирөөмүн, силер экөөңөрсүңөр — Я один, вас двое/вы вдвоем, где слово бирөөмүн может быть заменено словом жалгызмын; Алар экөө, сен бирөөсүң — Их двое, ты один

А лично-посессивное словоизменение такой дифференциации не приводит. Полнота его парадигмы зависит от других факторов:

Ø	Ø
бирөөң — один из вас	экөөң — двое из вас
бирөөңүз — один из Вас	экөөңүз — двое из Вас
бирөө (сү) — один из них	экөөсү — двое из них
бирөөбүз — один из нас	экөөбүз — двое из нас
бирөөңөр — один из вас	экөөңөр — двое из вас
бирөөңүздөр — один из Вас	экөөңүздөр — двое из Вас

бирөө (сү) — один их них

экөө (сү) — двое из них

Лично-посессивная парадигма богаче и шире, чем лично-предикативная. Нулем представлено только 1 л. ед. ч., формы 3 л. ед. и мн. ч. лично-посессивной парадигмы идентичны по значению и форме в данном контексте. Вариативность 3 л. ед. и мн. ч. не является общеязыковой: форма бирөөсү встречается в говорах и разговорной речи.

Силер канчоосунар? Биз баарыбыз — жүзбүз. — Сколько вас (человек)? Всех нас — сто. В русских предложениях показателей лица два (вас и нас), в кыргызских — пять (силер, сунар; биз, -быз, -бүз), из них два признака 2 л. мн. ч., три — 1 л. мн. ч.

Лично-предикативное употребление адъективных лексем более стандартное. Парадигмы у них целостнее, чем у прономинативов.

На вопрос Кандай? — Как дела? — отвечают: Жакшы — Хорошо. Мы считаем это безличным предикативом. Лицо в ответе не выделяется, не обозначается, не обособляется. В нем содержится только реакция на стимул, на вопрос. Эта реакция стандартная, этикетная, общеупотребительная и положительная. На вопрос Кандайсың? Каков ты? Как ты? или Кандайсыз? Каковы Вы? Как Вы? Отвечают: Жакшымын — Я нормальный, в хорошем настроении; все у меня хорошо. В данном контексте мы имеем дело с прилагательным качества. Качественность проявляется в возможности трансформации по степеням сравнения: Өткөндөн жакшыраакмын — Я (чувствую себя) лучше, чем прежде; Кыйла жакшымын — Сравнительно лучше мне /намного лучше мне и т. д.

Слово жакшы многоязычное, конверсивное, содержит в себе не только адъективное, но и субстантивное и адвербиальное значение. В данном контексте оно выступает как имя прилагательное. Этот адъектив имеет полную лично-предикативную парадигму:

жакшымын — я нормальный, чувствую себя хорошо, настроение у меня хорошее;

жакшысың — ты нормальный, хороший (человек);

жакшысыз — Вы нормальный, хороший (уважаемый человек);

жакшы — он (а) нормальный, хороший (человек);

жакшыбыз — мы нормальные, чувствуем себя хорошо, мы довольны жизнью;

жакшысыңар — вы нормальные, хорошие (люди);

жакшысыздар — Вы нормальные, хорошие (уважаемые люди);

жакшы — они нормальные, хорошие (люди).

Нам и нашим респондентам показалось, что 1-й и 5-й члены парадигмы имеют более богатую семантику, чем другие, передавая внутреннее настроение и приподнятый дух говорящего.

Полную парадигму имеют и относительные прилагательные. Двойственна сущность лексемы балалуу — имеющий детей, с детьми, которая чаще, относят к относительным прилагательным многие морфологи иногда — к субстантивным словам в обладательном падеже (К. Зулпукаров, К. Турдуев, А. Атакулова и др.). Она тоже имеет полную форму лично-предикативного словоизменения, которую демонстрируем наряду с формами просторечного прилагательного бооз — беременная, стельная (о корове), жеребая (о кобылице) и т. п.:

балалуумун – имею детей

боозмун – я беременная

балалуусуң – имеешь детей

боозсуң – ты беременная

балалуусуз – имеете детей

Ø

балалуу – имеет детей

бооз – она беременная

стельная, жеребая

балалуубуз – имеем детей

Ø

балалуусунар – имеете детей
 балалуусуздар – имеете детей
 балалуу – имеют детей

боозсунар – вы беременные
 Ø
 бооз

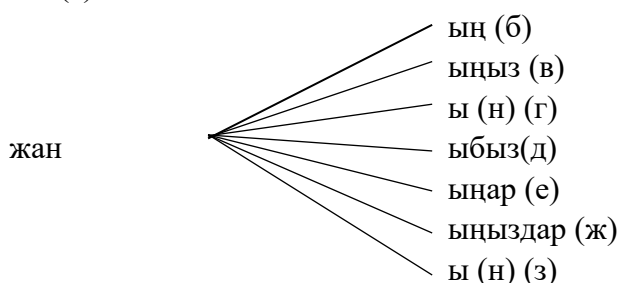
Во всех случаях формы ед. и мн. ч 3 л. омонимичны: уюң бооз — твоя корова стельная — уйларың бооз — твои коровы стельные; ал балалуу — он (а) имеет детей/ребенка — алар балалуу — они имеют детей/ребенка. По словам многих респондентов, просторечный предикат не подходит к статусу и авторитету уважаемых собеседников и лиц, составляемых совместно с говорящим общее 1 л. мн. ч.

Слово бооз в потенции допускает полную лично–предикативную парадигму, а речевой этикет и общепринятые правила общения заставляют говорящего воздержаться от свободного речепорождения и выбирая из парадигмы наиболее целесообразные формы, употреблять их в речи не нарушая нормы речевой культуры.

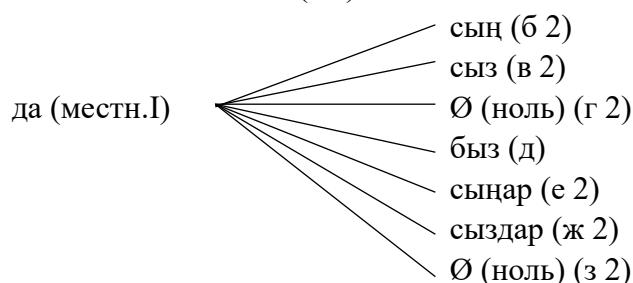
Данный факт свидетельствует о том, что между системой языка и культурой речи существует отдельные противоречия, которые разрешаются говорящими в конкретных ситуациях общения.

В кыргызском языке есть немало послеложных (служебных) имен, которые почти не употребляются без лично–посессивных аффиксов и в то же время свободно спрягаются. Спрягаясь по категориям притяжательности и предикативности, они превращаются в лексемы с удвоенной личной аффиксацией. К этим служебным именам относятся жан — около, возле; аст-, алд — под, перед; арт — за; үст — над; жак — бок, сторона и т. д. демонстрация комбинаций личных форм словоизменительном гнезде этих служебных слов — очень трудоемкая и объемная задача. Она займет десятки страниц. Приведем формообразование послеложного корня жан- в контексте двух личных парадигм и очень кратко его прокомментируем.

ым (а)

мын (а 2)

Между двумя личными спряжениями расположен член падежной парадигмы — аффикс местного (I) падежа, который служит связующим звеном лично-притяжательной и лично-сказуемой парадигм. Каждая из этих парадигм состоит из восьми единиц. А единица одной парадигмы может комбинироваться со всеми единицами другой парадигмы. В этом случае в максимуме мы могли бы занять 64 непересекающихся предикативных образований. Например, сочетание в + д2 дает нам предикат Жаныңыздабыз — мы (находимся) около Вас; сочетание е + а2 – предикат Жаныңардамын, сочетание ж + з2 — предикат Жаныңыздарда (с нулевым предикативным аффиксом). Однако не все члены первой парадигмы могут свободно комбинироваться с членами второй парадигмы. Отметим невозможность сочетаться между собой следующих притяжательных и предикативных аффиксов 1 и 2 л.: а + а2, б + б2 и т. д., которые составляют шесть пар. Ср. алогизм словоформ Жанындамын (а + а2), Жаныңардасыңар (е + е2) и др. Поэтому из числа 64 исключаются 6 пар, поэтому остается 58 комбинаций. В лично–посессивном спряжении

есть одно аномальное явление: в форме 3 л. перед падежным аффиксом возникает вставной звук – н: жанында, а системно обусловленная форма жанында (без этого звука) встречается в некоторых южных говорах, чаще всего — в баткенских. Система языка допускает сочетаемость посессивных и предикативных аффиксов 3 л.: г +г2 (жанында) и з +з2 (жанында), которое приводит к образованию двух омонимов с нулевым показателем сказуемости: Баласы жанында — Его ребенок при нем, рядом с ним и Балдары жанында — Его дети при нем, рядом с ним».

Следует отметить, что часть служебных форм в локативной форме некоторыми языковедами–кыргызоведами определяется как наречие места: жанында (где?), үстүндө (где?) и т. д. [7, с. 204–207].

Дадим характеристику отдельным предикативным образованиям с наречной основой.

Слово кайда — наречие. Это относительное наречие, употребляемое в вопросительных и невопросительных предложениях: 1) Кайда жүрөсүң? — Где находишься?; 2) Кайда жүрсөң да, эсен бол — Где бы ты ни был, будь здоров. Это наречие спрягается, меняя свою обычную синтаксическую функцию и преобразуясь из обстоятельства места в сказуемое. Во втором предложении, являющемся сложноподчиненным с придаточным места, оно выступает в роли союзного слова. В тексте известной песни Т. Казакова неоднократно встречается фраза: Сен кайдасың? Мен кайдамын? — Где ты (находишься)?, в которой представлены второй и первый члены лично-предикативной парадигмы. Эта парадигма включает в себя следующие предикативные формы рассматриваемого слова:

кайдамын? — где я?
кайдасың — где ты?
кайдасыз? — где Вы?
кайда? — где он (а)?
кайдабыз? — где мы?
кайдасыңар? — где вы?
кайдасыздар? — где Вы?
кайда? — где они?

Каждый из членов парадигмы имеет свое место в системе кыргызского синтаксиса, выполняя функцию единственного главного члена в определенно-личных предложениях и сказуемого в двусоставных предложениях, сочетающегося с подлежащим. В предложении Кайдамын — билбеймин — Не знаю, где я. Обе части являются определенно-личными. У них один состав. Оба простых предложения состоят из сказуемых в личной форме. В них отсутствует подлежащее. Его можно восстановить. А в песне Т. Казакова использовано двусоставное предложение с подлежащим и сказуемым, которые едины и согласованы между собой и семантически, и морфологически, и синтаксически. В нем есть субъект и предикат, формы лица идентичны и координированы между собой. В предложении отсутствует утверждение, потому что оно побудительно-вопросительное.

Наречие кайда в приведенной группе словоформ употреблено в форме настоящего времени. Оно спрягается и по формам прошедшего и будущего времени. Эти времена оформляются аналитически с помощью вспомогательных слов эле и бол-. Ср.:

Мен кайда элем? — Где я был?
Сен кайда элең? — Где ты был?
Сиз кайда элениз? — Где Вы были?
Ал кайда эле? — Где он(а) был (а)?
Биз кайда элек? — Где мы были?
Силер кайда эленер? — Где вы были?

Сиздер кайда элениздер? — Где Вы были?

Алар кайда эле? — Где они были?

Все члены парадигмы — двусоставные, нераспространенные личные предложения. Функционально-грамматические отличия заключены в личных прономинативах и аффиксах. Состав, структура, связи и интонация всех членов парадигмы идентичны, одинаковы. Здесь обращает внимание на себя специфика конечного служебного слова. Оно не имеет вещественного значения, спрягается, завершает предикативные образования, вносит в содержание предложений темпоральность, отнесенность к прошлому и принимает на себя интонацию конца.

В парадигме будущего времени важную роль играют личные формы абстрактного вспомогательного глагола бол-, который, спрягаясь и занимая постпозицию относительно вопросительного наречия, прямо участвует в предикативации информации. Ср., например,

Мен эртең кайда болом? — Где я буду завтра?

Сен эртең кайда болосуң? — Где ты будешь завтра?

Сиз эртең кайда болосуз? — Где Вы будете завтра?

Ал эртең кайда болот? — Где он (а) будет завтра?

Биз эртең кайда болобуз? — Где мы будем завтра?

Силер эртең кайда болосунар? — Где вы будете завтра?

Сиздер эртең болосуздар? — Где Вы будете завтра?

Алар эртең кайда болот/болушат? — Где они будут завтра?

Как видно, парадигма в целом не имеет дефекта. Исключение составляет только 3 л. в ед. ч. оно имеет аффикс -т, а во мн. ч. допускает вариантность. Признаком 3 л. мн. ч. может быть и аффикс ед. ч., а при необходимости подчеркнуть множественность субъектов используется аффикс совместного залога -уш, вставляемый между корнем и лично-предикативным аффиксом -ат.

Последние две группы примеров позволяют говорить о том, что в кыргызском языке важную предикатообразующую функцию выполняют служебные (неполнозначные) слова. Они участвуют в предикативации высказывания и оформлении сказуемого.

Если некоторые служебные слова имеют полную парадигму спряжения (экен со значением неочевидного прошедшего времени, беле со значением сомнительно-вопросительного прошедшего времени, эмес со значением отрицания, менен как послелог совместности и соучастия и др.) и непосредственно связаны со сказуемым как его завершающий элемент, то ряд частиц и других служебных слов способен сочетаться только с тем или иным членом лично-предикативной парадигмы: 1) ме — на возьми, держи; мең /меңиз (ед., вежл.) — нате, возьмите, держите; мегиле (мн.ч.) — нате, возьмите, держите; меңиз (ед., вежл.) то же самое — меңиздер (подчеркнуто вежл.) в том же значении; эта частица не имеет форм 1-го и 3-го л.; ке — дай, позволь (в говорах) — кең/кеңиз (ед., вежл.) — кегиле (мн.ч.) — кеңиздер (подчеркнуто вежл.); — кегиле (мн.) — кеңиздер (подчеркнуто вежл.); употребление обеих частиц специфичное: они используются говорящим в ситуации непосредственного общения с собеседником, поэтому обладают некоторой прагматической ценностью.

Вышеизложенное позволяет заключить, что лично-предикативное словоизменение — важнейший способ образования предикативного члена предложения и оформления односоставных и двусоставных предложений. Оно характерно почти всем частям речи, особенно — знаменательным.

Исходя из этого, мы в дальнейшем будем говорить о категории предикативности как категории лица и числа, признавая смысловую близость и идентичность целого ряда

терминов: «категория предикативности», «категория сказуемости», «категория личности», «категория лица и числа», «категория лица», «лично-предикативное словоизменение», «спряжение», «система лично-предикативных словоформ» и некоторые другие.

Спряжение есть изменение слов по формам лица и числа. В русском языке спрягаются только глаголы несовершенного вида для придачи значений настоящего времени, глаголы совершенного вида и связка быть, поэтому сфера применения термина «спряжение» многократно уже, чем сфера отражения соответствующего термина в тюркских языках.

Лично-предикативное словоизменение, составляющее категорию лица и числа, является формой выражения коммуникативно-смысловой и функционально-грамматической связи субъекта и предиката предложения, т. е. подлежащего и сказуемого фразы. Субъект и предикат образуют ядро высказывания. Без них не формируется речевое сообщение. Они составляют основу предложения и являются необходимыми носителями смысла речи. Именно поэтому их называют главными членами предложения.

Сочетание субъекта и предиката оформляется на базе спряжения. Форма предиката необходимо соотносится с формой субъекта, образуя вместе с ней единое функционально-синтаксическое целое.

Лично-предикативное словоизменение есть микропредложение. Любой член лично-предикативной парадигмы может выступать как кратчайшее предложение, иметь ситуацию употребления и коммуникативное предназначение. В предложениях: Кимсиң? — Менмин, Садырмын (из разг. речи). — Кто ты? — Я, Садыр. функциональная значимость категории лица-числа проявляется ярко и убедительно. Отметим некоторые особенности этой значимости:

–аффиксы лица-числа -сиң — ты, -мин, -мын — я присоединяется к сказуемым, образуя микропредложения, которые выполняют функцию оформления сообщения;

–личные аффиксы выступают в качестве обозначений участников общения – спрашивающего и отвечающего. Первое лицо спрашивает, второе — отвечает. Признаки лица-числа являются здесь носителями прагматических значений;

–вопреки установленной точке зрения, согласно которой по формам лица-числа изменяются только существительные и глаголы, мы обнаруживаем факт, свидетельствующий о том, что спрягаются в тюркских языках личные и вопросительные местоимения (а также другие части речи);

–кыргызский язык представляет личность в синтаксической форме, в рамках словоформ, русский язык — в разных формах: словосочетанием кто ты? (подлежащее + сказуемое), корнем личного местоимения (в ед. ч., мн. ч. (я) и существительным с нулевым окончанием (оба в функции сказуемого);

–кыргызские личные словоформы — отдельные определенно-личные предложения. В ответной части фраз личные словоформы находятся в отношениях уточняемого и уточняющего. Русские их эквиваленты – двусоставное личное и назывные предложения;

–местоименные словоформы кимсиң — менмин проявляют асимметрию, заключающуюся в том, что первое допускает развертывание знака путем присоединения к нему субъекта-подлежащего (Сен кимсиң?), а второе жестко «сопротивляется» такому расширению и не преобразуется в двусоставное предложение. Ср. недопустимость фразы Мен менмин. Все это говорит о том, что категория личности репрезентируется в сопоставляемых языках совершенно по-разному.

Результаты исследования

Из сопоставления видно, что категория предикативности в кыргызском языке резко отличается от той же категории в русских фразах — своей цельностью, «средоточенностью» и определенностью.

Формы предикативности в тюркских языках выступают знаками центра предложения, носителями важного смысла во фразе. Они обязательны и специфичны для каждого предложения. Без них оформляются только безличные предложения.

Используя вышеназванные термины как взаимозаменяемые наименования, мы проводим между ними границу. Термины «категория предикативности» шире чем «категория сказуемости», потому что она включает в себя и понятие подлежащего. Термин «категория сказуемости» имеет более широкое значение, чем термины «категория лица–числа», «категория лица», «спряжение». Последние являются морфологическими названиями и обозначают, во-первых, совокупность лично-предикативных аффиксов и, во-вторых, совокупность лично–предикативных словоформ. Ясно, что словоформа включает в себя корень (основу) и аффикс. Следовательно, морфологическая парадигма словоформ шире, чем парадигма личных аффиксов, и является гиперонимом по отношению к гипониму — парадигме служебных морфем.

Понятие предикативности ближе к понятию предложения. Предикативность охватывает не только морфологические формы лица (личные аффиксы и словоформы), но и сочетательную валентность категории лица–числа, способность этой категории координироваться с субъектом–подлежащим и передавать суть и основу выражаемой информации. Она в обобщенно-личных, неопределенно–личных и определенно–личных предложениях совмещает в себе семантику субъекта и предиката, субъекта и категории числа–лица.

Категории предикативности, личности/безличности, лица-числа (спряжения) тесно связаны друг с другом и находятся между собой в иерархических отношениях.

Предикативность отражает коммуникативность предложения, включает в себя функции и формы главных членов как ключевых единиц высказывания.

Главные члены, выступая важными смыслоносителями речи, образуют ядро предложения, вокруг которых разворачиваются второстепенные члены предложения, дополняющие, уточняющие и развивающие содержание предикативной части фразы.

Наличие обоих главных членов или отсутствие одного из них является одним из критериев разбиения предложений на два больших класса. На основании этого принципа предложения делятся на односоставные и двусоставные. Односоставные имеют в своей структуре только один главный член со своими распространителями, а двусоставные – оба главных члена со своими распространителями.

Категория личности/безличности определяет сущность предложения с точки зрения наличия или отсутствия субъекта в предложении. Она пересекается с категорией предикативности, не совпадает с нею, поскольку имеются личные и безличные формы в языке, выходящие за пределы предикативности. Например, лично–посессивные формы в одних случаях входят в состав предикативных образований, в других могут встречаться в непредикативных конструкциях.

Список литературы:

1. Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.

2. Зулпукаров К. З. О билингвальной когнитивно-дискурсивной модели морфемики и словообразования: (К выходу новой книги проф. М. Дж. Тагаева) // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2005. №1. С. 76-80.
3. Решетов В. В. Основы фонетики и грамматики узбекского языка. Ташкент, 1965.
4. Абдулдаев Э., Орусбаев А., Захарова О. В. и др. Грамматика киргизского литературного языка. Фрунзе: Илим, 1987. Ч. 1: Фонетика и морфология. 402 с.
5. Дербишева З. К. Теоретические основы сопоставительной грамматики русского и кыргызского языков: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Бишкек, 2001. 38 с.
6. Баскаков Н. А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. Ч. 2: Морфология. С. 263-303.
7. Зулпукаров К. З. Падежная грамматика: теория и прагматика. СПб., 1994. 317 с.

References:

1. Shvedova, N. Yu. (1970). Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Moscow. (in Russian).
2. Zulpukarov, K. Z. (2005). O bilingval'noi kognitivno-diskursivnoi modeli morfemiki i slovoobrazovaniya: (K vykhodu novoi knigi prof. M. Dzh. Tagaeva). *Russkii yazyk i literatura v shkolakh Kyrgyzstana*, (1), 76-80.
3. Reshetov, V. V. (1965). *Osnovy fonetiki i grammatiki uzbekskogo yazyka*. Tashkent. (in Uzbek).
4. Abduldaev, E., Orusbaev, A., Zakharova, O. V., & al. (1987). Grammatika kirgizskogo literaturnogo yazyka. In *Fonetika i morfologiya*, Frunze.
5. Derbisheva, Z. K. (2001). Teoreticheskie osnovy sopostavitel'noi grammatiki russkogo i kyrgyzskogo yazykov: avtoref. Dr. diss. Bishkek.
6. Baskakov, N. A. (1956). Sistema spryazheniya ili izmeneniya slov po litsam v yazykakh tyurkskoi gruppy. In *Issledovaniya po sravnitel'noi grammatike tyurkskikh yazykov, Morfologiya, Moscow, 263-303*. (in Russian).
7. Zulpukarov, K. Z. (1994). *Padezhnaya grammatika: teoriya i pragmatika*. St. Petersburg. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 26.04.2020 г.*

*Принята к публикации
02.05.2020 г.*

Ссылка для цитирования:

Эшанкулова Ш. А. О типах двусоставной и односоставной модели предложения // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №6. С. 341-355. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/46>

Cite as (APA):

Eshankulova, Sh. (2020). On Types of a Two and Single-compound Proposition Model. *Bulletin of Science and Practice*, 6(6), 341-355. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/46>

